

НЕУДАВШИЙСЯ ТРАНЗИТ: СОХРАНЯЕТСЯ ЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВ?

Г. В. Черникова

Воронежский экономико-правовой институт

Поступила в редакцию 20 августа 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию потенциала и перспектив демократизации общественно-политической жизни России и Украины. На основе сравнительного анализа выявлены общие и специфические характеристики неудавшегося демократического транзита в обеих странах, а также его факторы.*

Ключевые слова: *Россия, Украина, демократия, модернизация, консенсус.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the potential and prospects of democratization of social and political life in Russia and Ukraine. On the basis of comparative analysis, the author identified similar and specific characteristics of the failed democratic transit in both countries, as well as its factors.*

Key words: *Russia, Ukraine, democracy, modernization, consensus.*

Проблема демократизации постсоветского пространства, включая российское и украинское общества, уже не одно десятилетие находится в фокусе научных дискуссий. Столь долгий интерес, безусловно, не случаен. Интенсивные процессы системных изменений в странах бывшего СССР стали продуктом как внутренней логики их развития, так и следствием глобального переформатирования, разбалансировки современного мирового порядка. Исследователи рассуждают на предмет природы, сущности, факторов, потенциала прочности сложившихся в Украине и России политических режимов и т. д. [1–6]. При всем разбросе мнений в рамках указанной проблематики авторитетные исследователи (Е. И. Головаха, В. В. Лапкин, В. И. Пантин, К. Г. Холодковский и др.), как правило, сходятся в следующих аспектах. Во-первых, в обозначении сущности трансформационных процессов в России и Украине как не очень удачных попыток модернизировать институциональный дизайн под давлением сложных полифакторных воздействий. Во-вторых, в понимании того, что и российский, и украинский социум (несмотря на обозначившиеся различия интеграционных приоритетов после событий 2014 г.) в течение всего постсоветского периода решают вопрос выбора вектора собственного развития в континууме между демократической модернизацией или сохранением status quo, т. е. консервацией существующих общественных отношений [7]. В-третьих, в констатации того, что рассматриваемые общества – общества с «зависшими» (или «застрявшими») и неудавшимися демократизациями – наряду с западным, оказались в настоящее время

перед лицом очень серьезных глобальных вызовов. Среди них – неустойчивая, с тенденциями к сокращению, динамика основных показателей экономического роста; расширение круга акторов, затронутых проблематикой санкций, торговых войн; возрастание геополитической напряженности; упадок среднего класса; нарастание консервативной волны, выражающейся, среди прочего, в возвращении к традиционным ценностям, включая суверенитет национальных государств; рост популизма; коррупция; снижение качества институтов, прежде всего, институтов государственного управления, а также вызов, связанный с устойчивостью старых и новых альтернативных – недемократических и относительно успешных моделей политических и экономических порядков (Китай, Казахстан и др.). Российский политолог и правовед А. Н. Медушевский в рамках дискуссии «Глобализация и либеральная демократия», организованной в 2018 г. фондом «Либеральная миссия», справедливо отмечает: «Фактически реальностью становятся режимы ограниченного плюрализма, к которым относится едва ли не большинство современных государств, от близких к состоявшимся демократиям до наиболее авторитарных и персоналистских» [8]. Указанный тип режима характерен и для стран постсоветского пространства, включая Россию и Украину. В западной политической науке также преобладает точка зрения, в соответствии с которой новые независимые государства бывшего СССР «дрейфуют в сумеречную зону», располагающуюся между авторитаризмом и демократией, с течением времени все больше отклоняясь к первому полюсу [9]. Эти и иные обстоятельства позволяют констатировать важность изучения проблематики потенциала и перспектив демократической модернизации общественно-поли-

тической жизни России и Украины, в том числе с точки зрения наличия или отсутствия на нее общественного запроса «сверху» и «снизу», его общих и специфических страновых характеристик, а также обуславливающих их факторов.

Стоит отметить, что осложняет выработку релевантных выводов отсутствие соответствующих сравнительных исследований, осуществляемых по единой методологии и инструментарию на протяжении последних десятилетий после распада СССР. В то же время за последнюю четверть века накопилось достаточное количество эмпирического и аналитического материала, позволяющего обозначить ряд общих и отличительных страновых характеристик в отношении рассматриваемой проблематики. Так, на основании существующей аналитической литературы можно выделить две парадигмы в объяснении успеха/неуспеха процесса демократизации. Одна из них делает упор на структурных факторах: демократия вырастает там, где есть объективные социально-экономические, институциональные, человеческие и иные предпосылки. Другая парадигма объяснения степени успешности процессов демократизации апеллирует к воле людей, субъективному фактору, к акторам, которые принимают решения, создают новые политические институты и практики. Эта парадигма основывается на посылке: «Не существует предпосылок для демократии, кроме готовности национальной элиты осуществлять демократическое правление» [10].

С момента появления на постсоветском пространстве новых государственных образований правящие элиты России и Украины артикулировали в политических коммуникациях демократические ценности и гарантирующие их институты, процедуры, механизмы. При этом российская и украинская властвующая элита задействовали инструменты блокирования политических ценностей и принципов демократии: свободу слова, собраний, демонстраций, принцип идеологического плюрализма, разделения властей и т. д. В российском случае указанный список пополняется также ограничением политической конкуренции и связанной с ней сменяемости власти. В то же время Украине удалось преодолеть подобный соблазн. Об этом свидетельствует тот факт, что здесь смена лидера произошла в шести из семи президентских кампаний. По результатам последних парламентских выборов состав законодательной ветви власти изменился более чем на 80 % [11]. Ключевым фактором выживания и упрочения электоральной демократии в Украине стал, по меткому замечанию В. Д. Соловья, «ожесточенный конфликт внутри украинской элиты. Равенство сил элитных фракций поставило их перед дилеммой: взаимное уничтожение или компромисс, механизмом которого стали демократические институты и процедуры» [10].

Однако и в российском, и украинском случаях пока не наблюдается качественного прогресса в направлении демократической модернизации общественных отношений. Основными доводами поддержания status quo выступают, по словам А. Н. Медушевского, «отсылка к диспропорциям глобализации и тезис об отложенной демократии: неготовность общества к переменам... подкрепляется убеждением элиты (иногда оправданным) о невозможности совместить демократию с модернизацией (трудностью принятия необходимых, но непопулярных решений в расколотом обществе), целесообразности вводить демократию постепенно, с учетом социальных реалий, а некоторые элементы вообще отложить на будущее» [8]. Анализ публичной риторики первых лиц России и Украины (на примере Посланий президентов парламентам) позволяет отметить и иные побудительные мотивы, сдерживающие модернизационный сценарий по либерально-демократическому образцу. В их роли выступают реальные и мнимые угрозы функционированию и развитию рассматриваемых обществ. В частности, неэффективность глобальной системы безопасности, неготовность и (или) сопротивление реформам со стороны различных групп влияния, прежде всего, бюрократии и др. [12–15]. В украинском случае в качестве угроз П. Порошенко обозначал в том числе возможный реванш пророссийских сил, рост евроскептических настроений, недемократические тенденции в соседних странах, гибридные атаки России на США, Евросоюз, Украину и т. д. [14; 15].

Российского лидера В. Путина отличает достаточно редкое использование в своей публичной риторике последних лет категорий «демократия» и «реформа» [12; 13]. Отмеченные и другие примеры отражают скорее неготовность политической элиты к реальным реформам, сохранение status quo как условия неизменности их властных позиций, материальных и финансовых активов.

А какие тенденции в рассматриваемом ракурсе наблюдаются на уровне массового сознания? Оно, как известно, испытывает на себе воздействие официальной политической пропаганды. Однако это воздействие не безгранично, особенно в условиях сохраняющейся политической напряженности между двумя странами, негативного влияния увеличившихся военных расходов на развитие национальных экономик и ухудшения социального самочувствия граждан обеих стран.

Итоги президентских и парламентских выборов в Украине текущего года, а также свежие социологические опросы в обеих странах свидетельствуют о формировании общественного запроса населения на перемены, прежде всего, в направлении оптимизации социальной сферы, реформ, необходимых для устой-

чивого роста экономики, а также улучшения межгосударственных отношений. Так, нынешняя озабоченность россиян и украинцев связана с проблемами их благосостояния и доходов: ростом цен, бедностью, безработицей и т. д. [16; 17]. Из спектра наиважнейших проблем для страны в целом украинцы в 2018 г. называли военные действия на Донбассе, коррупцию и низкий уровень производства; россияне – упадок системы здравоохранения, состояние сферы образования и общий спад экономики [16; 18]. Эти данные нередко интерпретируются исследователями как запрос, прежде всего, на левые социал-демократические идеи и ценности [19; 20]. О запросе на улучшение межгосударственных отношений свидетельствуют данные об увеличении доли россиян, которые (суммарно) хорошо относятся к Украине: с 28 % (в 2018 г.) до 34 % (в 2019 г.). Еще более заметный рост позитивного отношения к России фиксируется в украинском общественном мнении: с 48 до 57 % [21].

К сожалению, модернизация политической системы волнует россиян и украинцев в гораздо меньшей степени, чем социально-экономические проблемы; протестный потенциал с политическими требованиями существенно ниже, чем с экономическими [7; 22]. Отчасти это объясняется отсутствием в сознании большинства граждан причинно-следственной связи между качеством политической системы и социально-экономическими реалиями. Кроме того, опираясь на парадигму, акцентирующую внимание на структурных факторах, препятствующих демократизации, можно предположить следующее. Осложняет демократическую перспективу развития российского и украинского обществ отсутствие в них на протяжении длительного исторического периода опыта существования в условиях рыночной экономики, демократического политического режима, сильных традиций гражданского общества и т. д. В странах Западной Европы и США вызревание демократических основ общественной жизни осуществлялось веками, носило органичный характер. Для России и Украины экономическая и политическая модернизация по западноевропейскому образцу в конце XX в. во многом имела вынужденный характер, так как выступала одним из главных источников конкурентоспособности на международной арене. Считается также, что в российском случае косвенным препятствием для развития демократических тенденций выступало наличие огромного ядерного арсенала, который значительно повышал риски хаотизации политики, а также ресурсная зависимость в экономике («нефтегазовое проклятие») [10].

Кроме того, новые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, столкнулись с так называемой «дилеммой одновременности» (К. Оффе): переходом от плановой к рыночной экономике, от авторитаризма к демократии, национальным строи-

тельством, созданием гражданского нормативно-правового порядка и т. д. Унаследованные Россией и Украиной формальные межреспубликанские границы единого Союза ССР стали предпосылкой разного рода сепаратистских движений, непризнанных международным сообществом политических режимов и так называемых «замороженных конфликтов».

Это наряду с негативным опытом экономических преобразований начала 90-х гг. XX в. стало решающими факторами утраты интереса российского и украинского общества (уже в 1994–1995 гг.) к пропагандированной властвующей элитой идее либерально-демократических преобразований. Так, высокий потенциал инновационно-реформаторских ожиданий и ориентаций начала 1990-х гг. (в том числе на ценности политического плюрализма, рыночной экономики и т. д.), натолкнувшись на неупорядоченную стихию рыночных сил, неспособность государства выполнить социальные обязательства, значительное падение уровня жизни граждан обеих стран и т. д., обернулся в середине 90-х гг. XX в. спадом политической активности, недоверием преобладающей части населения России и Украины к власти, отчуждением от нее, ее демократической риторики, а также оживлением в сознании россиян и украинцев авторитарно-консервативных компонентов [23; 24]. Среди последних: сокращение доли сторонников рыночной экономики, ностальгия большинства населения России и Украины по прошлой общественно-политической системе, привлекательность идеи «сильного лидера» и т. д. [24–27]. Иначе говоря, на первоначальном этапе движения к рыночной экономике и демократическому политическому устройству российскому и украинскому обществу не хватало, прежде всего, соответствующих умений, правил игры и специфических игроков, а также «эффективного государства» и (или) развитых гражданских институтов, способных амортизировать «провалы» государства.

Как субъективный фактор проявлял себя в российском и украинском случаях? Известно, что в нулевые годы политическое руководство России предприняло немало усилий, направленных на выстраивание так называемой «вертикали власти», на формирование того, что принято считать «сильным государством».

В украинском случае в конце 1990-х – начале 2000-х гг. ключевые политические институты в большей мере, чем российские, соответствовали институциональной модели нации-государства, в «институциональном дизайне» которой наблюдалось эклектическое сочетание элементов разных политических систем: современной и советской. Подобная институциональная структура наряду с геокультурным расколом между Восточной и Западной Украиной, а также большей (в сравнении с российским вариантом) роли политических партий и оппозиции, по мнению

ряда исследователей (В. Соловей, А. Мельвиль, В. Лапки, В. Пантин), создавало базу для плюрализма, который способствовал демократизации [10; 28].

Исследователи, как правило, сходятся в том, что значительная часть населения обеих стран позитивно воспринимала на протяжении всего постсоветского периода такие либерально-демократические ценности и институты, как свобода слова, вероисповедания, свобода передвижения, в том числе выезда из страны, выборы, парламент, партийно-политический плюрализм, право на митинги и демонстрации и т. д. [24; 25; 29–31].

Справедливо требуя от власти наведения порядка во всех сферах жизнедеятельности общества, россияне и украинцы в то же время на протяжении всего рассматриваемого периода не поддерживали военную диктатуру или переворот, запрет деятельности оппозиционных партий и СМИ, а также другие репрессивные действия в качестве способов выведения своей страны из кризиса [25; 26].

Это свидетельствует о том, что демократия как идея разумной организации общественной жизни, как ценностная норма не чужда современному общественному сознанию россиян и украинцев. С представлениями о демократическом устройстве связываются значимые ассоциации с материальной обеспеченностью, более высоким уровнем и качеством жизни, с большей возможностью контролировать власть, правовой защищенностью и т. д.

Что касается восприятия демократии как реальной практики, то исследователи констатируют многократно эмпирически подтвержденный факт критического отношения значительной части россиян и украинцев к ней, а также осторожность в оценках ближайших ее перспектив [26; 30; 32].

Вместе с тем исследования фиксируют отсутствие в массовом и элитарном сознании россиян и украинцев какой-либо внятной ценностной и институциональной альтернативы демократии как принципу политического устройства [30; 32].

Таким образом, определяющей чертой общественного сознания и социальной практики населения постсоветской России и Украины остается его амбивалентность или антиномичность. Характеризуя сущность антиномичности общественного сознания, Ж. Т. Тощенко отмечает следующее: «Во-первых, определенной политической, экономической и социальной позиции противостоит... другая, поддерживаемая достаточно значительными и влиятельными общественными силами. Во-вторых, они взаимноисключают друг друга, в известной степени непримиримы, несочетаемы и несогласуемы, но находятся в ситуации сосуществования. В-третьих, каждая из этих позиций имеет достаточно весомые основания для доказательства своей правоты, своей обоснованности, своей жизнеспособности и будущности.

В-четвертых, эти позиции опираются на по-своему интерпретируемый исторический опыт, который подкрепляет их аргументы в противостоянии с другой позицией и ориентацией...» [33]. Эти выводы разделяют и ряд украинских исследователей (Е. И. Головаха, Г. В. Касьянов и др.). Так, по мнению Е. И. Головахи, с середины 90-х гг. XX в. и до сих пор принципиальных изменений в общественном сознании украинцев не произошло: «Украинское общество до сих пор остается “постсоветским”, ...находится в состоянии амбивалентности по отношению к институциональным образованиям» [19]. При этом автор делает важную оговорку: в ходе акции протеста на Евромайдане украинское общество определилось со стратегическим направлением развития – от амбивалентности прошлого (одновременной поддержки взаимоисключающих геополитических направлений движения) к выбору большинством населения европейского пути [там же].

Содержательные компоненты антиномичного сознания россиян и украинцев можно свести к двум альтернативным моделям/тенденциям: авторитарной, опирающейся на консервативные ценности, и демократической (с акцентом на либеральные ценности). Социальные основания этих тенденций отличаются сложностью структуры. Помимо относительно устойчивого ядра, обе тенденции могут опираться на одинаковые слои населения, которые по одним вопросам занимают демократическую позицию, а по другим авторитарную. Иными словами, промежуточным итогом происходящих в России и Украине (а также в других странах постсоветского пространства) на протяжении последних десятилетий трансформационных процессов стал смешанный тип общественного политического сознания и практики, в котором идеи и ценности западной демократии уживаются и сосуществуют с авторитарно-консервативными. Данный вывод находит подтверждение и в результатах мониторинга британского исследовательского центра The Economist Intelligence Unit, посвященного измерению политического режима. Так, на протяжении как минимум 2012–2018 гг. российский режим оценивался данным центром как авторитарный, а украинский – как гибридный [34].

Чем обусловлено сохранение антиномичности политического сознания и социальной практики россиян и украинцев? Исследователи справедливо объясняют данный феномен действием структурных и субъективных факторов, называя, во-первых, исторически быструю, кардинальную и во многом стихийную трансформацию в конце XX в. основ общественной жизни на постсоветском пространстве, где новосозданные независимые государства (исключая страны Балтии) не были готовы к глубинным преобразованиям [19]. Во-вторых, разрыв между широкообещательными обещаниями правящих кругов и тем,

что представляет собой реальная жизнь миллионов людей [33]. В-третьих, недостаточную энергетику атомизированного постсоветского общества [35]; а также влияние крупных игроков глобальной политики, стремящихся к расширению зоны хаоса и анархии в странах «мировой периферии», в том числе в поясе границ России и др. [36–38].

Авторитарно-консервативные компоненты массового политического сознания россиян и украинцев подкрепляются также риторикой нынешней правящей элиты. Неоконсервативный дискурс России держится на идее великодержавного величия России. 2014 г. стал вершиной российской консервативной мобилизации. Общие ее контуры выглядят следующим образом: «Крым – наш!», «Россия отвергает несправедливые западные “правила игры”». Россия – особая цивилизация, и у нее свой путь, отличный от европейского... Чтобы выстоять, нужно, как не раз бывало в российской истории, сплотиться вокруг государства» [39]. Анализируя содержательные аспекты указанной мобилизационной модели, А. Ю. Мельвиль верно отмечает, что «наш “особый путь” предполагает “государствоцентричную” модель и подчинение индивидуального интереса формулируемому “сверху” коллективному благу... Примечательно, что и сама цель развития начинает пониматься иначе – это более не развитие, ориентирующееся на более удачные и передовые экономические и технологические образцы. Это движение в русле продекларированного “собственного пути” без какого бы то ни было универсального целеполагания» [там же].

В украинском случае властвующими элитами на протяжении последних лет (с 2014 по 2019 г.) продвигался консолидационный сценарий, который наряду с модернизационной повесткой (в сторону европеизации/демократизации) содержал консервативную составляющую, во многом опирающуюся на этнополитический ресурс: «Украина выбирает Европу, свободу и демократию. Только европейский выбор позволит Украине обрести конкурентные преимущества. Россия – страна-агрессор. Чтобы выстоять, нужно сплотиться вокруг трех ценностей: «армия, язык, вера» [15]. Почему была сделана ставка на эти правоконсервативные ценности? Прагматическая мотивация украинской властвующей элиты убедительно обосновывается В. В. Лапкиным: «Стратегия политизации этничности, преобразующая этнический фактор в ключевой ресурс политической мобилизации, придала процессам национального строительства в Украине второе дыхание, обеспечила невиданную в течение всего последнего двадцатипятилетия социальную и политическую консолидацию общества – в противостоянии России, всему российскому и русскому» [36].

На сегодняшний день уязвимость упомянутых и иных консолидационных моделей не вызывает сколько-нибудь серьезных сомнений. Обусловлены они множеством факторов. Среди них, во-первых, волатильность массовых представлений и настроений, на которые опираются упомянутые консенсусные сценарии; во-вторых, динамика внутри властвующих элитных группировок (очевидная в украинском случае и возможная в российском); в-третьих, внутренние изъяны обозначенных консенсусных программ. В украинском сценарии присутствовало внутреннее напряжение (если не конфликт) между заявкой на «европейский выбор» и ставкой на авторитарно-консервативные ценности (армия, язык, вера). «Сделав ставку на правоконсервативную идеологию, П. Порошенко получил верное меньшинство, но потерял контакт с большинством, оказавшимся равнодушным к архаике “армии – мовы – виры”», – верно отмечает К. Скоркин [40]. Новоизбранный Президент Украины В. Зеленский позиционирует себя как проевропейский политик, готовый смягчить агрессивную антироссийскую риторику, свойственную предыдущему президенту, а также продвигать реформы, обеспечивающие модернизацию сложившейся системы, тем более что подавляющее превосходство пропрезидентской партии («Слуга народа») на парламентских выборах в июле 2019 г. потенциально дает В. Зеленскому такую возможность.

Отсутствие конструктивного импульса развития у нынешнего российского консервативного консенсуса, который – по данным социологических исследований – начинает терять свою силу, убедительно доказывает А. Ю. Мельвиль: «Консерватизм может давать конструктивный импульс развитию только тогда, когда он смягчает крайности радикальных идеологических и политических программ. Исторически – прежде всего либеральных, но также и иных, например социалистических... В нашем случае совсем не так. Нынешний российский неоконсерватизм принципиально самодостаточен – ему не нужны и даже противопоказаны какие бы то ни было идеологические и политические оппоненты, предлагающие альтернативные программы развития. Он и не собирается никому оппонировать, поскольку считает свою позицию единственно верной и непогрешимой... Однако на основе консервации и охранения в изоляции от иных идеологических и политических проектов нельзя предложить реальную программу развития и модернизации» [39].

Другая важная составляющая уязвимости указанных консолидационных моделей заключается в том, что правящей элите обеих стран не удалось на сегодняшний момент объединить указанные сценарии с привлекательным социальным проектом, качественными изменениями в экономике, управлении, судо-

производстве, в решении проблемы коррупции, урегулирования конфликта на Донбассе и т. д.

Общими для обеих стран факторами сдерживания мобилизационного потенциала продвигаемого властвующими элитами консенсуса выступает сохраняющееся после украинских событий 2013–2014 гг. обострение межгосударственных отношений, а также социально-экономический спад, вплетенный в негативные тенденции глобальных социально-экономических и политических процессов.

Наконец, потенциальные факторы эрозии нынешнего идейно-политического консенсуса обусловлены закономерностью динамики самих мобилизаций. Мобилизационные сценарии, как правило, развиваются по ритмологии, напоминающей колебания по схеме «подъем–спад». Не являются исключением и упомянутые выше консолидационные сценарии рассматриваемых стран. Достигнув крайней точки в 2014–2016 гг., их мобилизационный потенциал постепенно слабеет, связывая по рукам амбиции властных группировок в России и Украине.

В оценке обозримых перспектив демократизации российского и украинского обществ в научной и публицистической литературе наблюдается консенсусное признание их ограниченности. Это, по мнению некоторых исследователей (А. Рябов, Е. Шестопал и др.), актуализирует в политической повестке дня вопрос о возможности проведения модернизации без демократизации [6; 41]. Однако к настоящему времени, несмотря на декларируемые реформы и определенные подвижки в направлении оптимизации сложившейся общественно-политической системы, в российском и украинском обществах никаких серьезных структурных преобразований не наблюдается. Складывающаяся ситуация внутри рассматриваемых обществ и за их пределами объективно требует преодоления стратегии status quo. В конечном счете движение вперед только и возможно как выход за пределы сложившегося порядка вещей, а значит, перспектива модернизации без демократизации представляется нежизнеспособной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация и либеральная демократия. Дискуссия // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/7285>
2. Закария Ф. Демократия разваливается. Как меняется мир / Ф. Закария // Новое время. – Режим доступа: <https://nv.ua/opinion/demokratija-razvalivaetsja-kak-menjaetsja-mir--2454204.html>
3. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч ; пер. с англ. Н. В. Эдельмана ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.
4. Пантин В. И. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миру / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47–66. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04>
5. Волков Д. Основания политического порядка и возможность демократических перемен в России / Д. Волков // АНО Левада-Центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/11/26/osnovaniya-politicheskogo-poryadka-i-vozmozhnost-demokraticeskix-peremen-v-rossii/>
6. Шестопал Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) / Е. Б. Шестопал // Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 9–20. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
7. Холодковский К. Г. Непростые проблемы современного общественного сознания / К. Г. Холодковский // Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 180. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.12>
8. Медушевский А. Н. «Глобализация и либеральная демократия». К промежуточным итогам дискуссии / А. Н. Медушевский // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/7317>
9. Henry E. Hale. Patronal Politics : Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective / E. Hale Henry. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 2.
10. Демократия в российском зеркале : монография / ред.-сост.: А. М. Мигранян, А. Пшеворский ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России ; каф. сравнительной политологии. – М. : МГИМО-Университет, 2013. – 519 с.
11. Офіційний веб-портал Верховної Ради України. – Режим доступа: <https://rada.gov.ua/map/>
12. Послание Президента В. Путина Федеральному Собранию. 2019. – Режим доступа: <http://xn--h1akeme.ru-an.info>
13. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
14. Послание Петра Порошенко к Верховной Раде. Полный текст. 7 сентября 2017 г. – Режим доступа: <https://strana.ua/news/91541-poslanie-poroshenko-k-rade-2017-polnyj-tekst-na-russkom-jazyke-i-video.html>
15. Послание Президента Украины Верховной раде Украины «О внутреннем и внешнем положении Украины в 2018 году». – Режим доступа: <https://112.ua/mnenie/armiya-yazyk-i-vera--eto-ne-lozung-eto--formula-sovremennoj-ukrainskoj-identichnosti-polnyy-tekst-poslaniya-prezidenta-poroshenko-v-vru-463065.html>
16. Динаміка суспільно-політичних поглядів в Україні // Center for Insights in Survey Research. 2018. – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/national_survey_2018_12_ua.pdf
17. Тревожащие проблемы // Левада-центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/>

18. Проблемный фон страны : мониторинг // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9152>
19. Головаха Е. И. Украинское общество : четверть века вынужденной трансформации и перспектива декларированного транзита / Е. И. Головаха // Держава та глобальні соціальні зміни : 25 років української незалежності : матеріали VII міжнародної наук.-практ. конф. (м. Київ, 29–30 листопада 2016 р.) / Укладачі А. А. Мельниченко, П. В. Кутуєв. – Київ ; Одеса : Айс Принт, 2016. – С. 15–17.
20. Пресс-конференция «Социальные и электоральные ожидания украинцев от выборов-2019» // Информационное агентство «Українські новини». – Режим доступа: <https://ukranews.com/news/608248-210119-1200-press-konferenciya-socialnye-i-elektoralnye-ozhidaniya-ukraincev-ot-vyborov-2019>
21. Касьянов Г. В. Первая революция. Как изменится Украина после парламентских выборов / Г. В. Касьянов // Московский центр Карнеги. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/79571>
22. Украина сегодня : вызовы и перспективы // Социологическая группа «Рейтинг». – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/ukraina_segodnya_vyzovy_i_perspektivy.html
23. Черникова Г. В. Политические представления россиян на рубеже XX–XXI вв. : тенденции эволюции : монография / Г. В. Черникова. – Москва – Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 272 с.
24. Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании : материалы международного симпозиума 24–25 мая 1996 г. – М. : РНИСиНП, 1996. – 232 с.
25. Россия на рубеже веков. – М. : Российская политическая энциклопедия, Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000. – 448 с.
26. Роуз Р. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу / Р. Роуз, Кр. Харпфер // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 1996. – № 4. – С. 13–19.
27. Левада Ю. А. «Человек советский» десять лет спустя : 1989–1999. Предварительные итоги сравнительного исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 3. – С. 7–15.
28. Лапкин В. В. Освоение институтов и ценностей демократии украинским и российским массовым сознанием (предварительные итоги) / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Политические исследования. – 2005. – № 1. – С. 50–62. – Режим доступа: [http://www.politstudies.ru/files/File/2005/1/Polis-2005-1-Lapkin-Pantin.pdf](http://www.politstudies.ru/index.php?page_id=508&id=3509¶m=http://www.politstudies.ru/files/File/2005/1/Polis-2005-1-Lapkin-Pantin.pdf)
29. Потенциал демократии в современной России // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4509>
30. Волков Д. Демократия в России : установки населения. Сводный аналитический отчет / Д. Волков, С. Гончаров // Аналитический центр Юрия Левады. 2015. – Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf
31. Потенциал демократии в современной России // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4509>
32. Петухов В. В. Россия, Белоруссия и Украина : что нас сближает и что разъединяет / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения. – 2004. – № 2. – С. 3–16.
33. Тощенко Ж. Т. Новые явления в общественном сознании и социальной практике / Ж. Т. Тощенко // Социс. – 2011. – № 3. – С. 23–36.
34. Рейтинг стран по уровню демократии // Информационный портал NoNews. 2019. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/democracy>
35. Бызов Л. Качание политического маятника без ясного будущего / Л. Бызов // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/7307>
36. Лапкин В. В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах : украинский казус в сравнительной перспективе / В. В. Лапкин // Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 54–64.
37. Барабанов О. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Жизнь в осыпающемся мире / О. Барабанов [и др.]. – М., 2018. – 102 с. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>
38. Obydenkova A. The international dimension of democratization : testing the parsimonious approach / A. Obydenkova // Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 20. – 2007. – № 3. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09557570701574188>
39. Мельвиль А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии / А. Ю. Мельвиль // Полития. – 2017. – № 1. – С. 29–46.
40. Скоркин К. Зеленский против партий : чего ждать от выборов в Верховную раду / К. Скоркин // Московский центр Карнеги. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/79175>
41. Рябов А. Демократизация и модернизация в контексте трансформаций постсоветских стран / А. Рябов // Демократизация и модернизация : к дискуссии о вызовах XXI века. – М. : Европа, 2010. – С. 196.

Воронежский экономико-правовой институт
Черникова Г. В., кандидат политических наук, доцент кафедры юриспруденции
E-mail: galzhd@mail.ru

Voronezh Institute of Economics and Law
Chernikova G. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Science of Law
E-mail: galzhd@mail.ru